

Великий сочинитель сядет в кресло,
На доску выставит фигуры в ряд,
Начнет игру, где интересно,
И пешки, и ферзи заговорят.

*Заходи, дорогой читатель, будь гостем.
Я приглашаю тебя погреться у костра моей
фантазии. Мир этой книги соткан из моих
снов и мечтаний. Если вдруг ты увидишь со-
впадения с реальной жизнью, знай: это слу-
чайность. Мне просто очень хотелось бы,
чтобы где-нибудь в параллельной вселенной
все было именно так.*

Таша стояла на тротуаре, подняв сумочку вверх, как факел, и с ее волос и одежды стекала грязная вода из лужи. Лето выдалось дождливое, и уродливые океаны грязи расползались по всей дороге. Этот день должен был закончиться именно так, хотя нет, он еще не закончился, и, возможно, этот день-неудачник удивит ее не раз. В голове всплыл стишок:

День-неудачник стекся в лужу,
Ему там тесно, ну и пусть.
Он как февраль, он был не нужен,
Плеснув в лицо мне резко грусть.
Он не жалел меня никакого,
Когда я думала — предел,
Он танцевал победно польку
И ставил планы под прицел.
Буян сегодня очень строг,
Ему со мной возиться было лень.
Но лучшее, что мог придумать Бог, —
Что завтра будет новый день.

Таша устала постоянно надеяться на новый день. Футболка сразу из белой превратилась в серую, а джинсы приобрели вид окончательно недостойный, хотя они давно и настойчиво просились на помойку. Но все переживания были о сумочке, это был подарок дочке на восемнадцать лет. Несмотря на свое плачевное финансовое состояние, она все-таки накопила на эту красоту для Олеси. Дочка, умница и красавица, мечтала об этом брендовом рае уже давно, и Таша сама себе пообещала, что в лепешку разобьется, а купит своему котенку в подарок эту мечту. Вообще мечты обязаны исполняться, на то они и мечты. Таша в этом была уверена на сто процентов, и если

в ее силах исполнить хоть одну малюсенькую мечту своей любимой и единственной дочки, то она должна это сделать непременно.

— Женщина, с вами все в порядке? — услышала она голос из машины. Таша оторвалась от созерцания сумочки и выявления на ней грязных капель и посмотрела на обидчика. Она на самом деле думала, что он давно уехал, и была очень удивлена тем, что негодяй не только остановился, но, сдав назад, открыл окно.

— Как видите, — пробурчала она, ей не хотелось ругаться, но и выражение «все в порядке» не вполне подходило для данной ситуации.

— Петрова, ты, что ли? — услышала она неожиданно из машины, где сидел обидчик, и наклонилась.

В салоне дорогого автомобиля, который только что подытожил ее и так паршивый день, сидел старик, морщинистый и сгорбленный. Он улыбался ей, обнажая гнилые зубы, и ждал от нее того же. Таше стало жалко его, наверное, ошибся, Петров — самая распространенная фамилия в России. Она стала рассматривать мятое, словно высохшее лицо нерадивого водителя, и какие-то черты неуловимо зацепили ее. Словно что-то давно забытое шевельнулось где-то на самых дальних

полках памяти. Таша, с трудом пробиваясь сквозь его морщины, наконец узнала старика.

— Суслик, Юра? — непонятно чему обращалась Таша, словно то, что ее обрызгал из лужи не просто хулиган, а одноклассник, которого она не видела двадцать три года, отменяло грязную футболку.

Тот же выскочил из машины и начал ходить.

— Наташка Петрова. — Он уже так смеялся, что Таше показалось, что это не радость от встречи, а насмешка над ней. — Староста класса, никогда бы я тебя не узнал.

— А вот ты не изменился. — Деликатная Таша еще не решила, стоит уже обидеться или подождать. — Только уверенней, что ли, стал. — Наташа Петрова была девушка культурная, поэтому подбирала слова, чтоб не обидеть одноклассника и не сказать напрямую, что он из забитого ботана превратился в сморщенного самоуверенного старика.

— Как тебя расперло-то, жуть. А ты беременная или просто толстая? — поражал Ташу своим хамством бывший одноклассник.

— Не забывай: нам по сорок лет, какие уже дети? — покраснев и машинально втянув живот, ответила Таша, жутко жалея о том, что наклонилась к открытому окну, а не ушла. В голове опять пронеслись строчки: «...Но

лучшее, что мог придумать Бог, — что завтра будет новый день».

— Слыши, а может, пойдем кофе попьем? — отдохнув от дикого смеха, предложил хам. — Вон, видишь, кофейня, там очень вкусные пирожные, уверен, ты таких не ела. Хотя, — снова засмеялся одноклассник, — судя по твоим размерам, ты перепробовала их все. — Видимо, поняв, что перегнул палку, нахал немного сбавил обороты и вы сказал еще один аргумент: — Тем более тебе надо в порядок себя привести.

Таша согласилась на предложение: хотя оно и было высказано в хамской форме, но имело под собой логическое обоснование — ей действительно было необходимо отмыться от грязи.

— Ну рассказывай, Петрова, как тебя жизнь-то так покалечила? — Как только они уселись за столик, одноклассник Юра снова начал улыбаться и хамить.

Воспользовавшись тем, что к столику подошел официант, Таша ускользнула в дамскую комнату, намеренно оставив на столе сумку, которую купила для дочки. Подарок был дорогой и брендовый, может, этот зазнайка Суслик, увидев, какие вещи она носит, успокоится и не будет больше над ней издеваться.

Таша не видела своих одноклассников уже очень давно. Лишь однажды она сходила на встречу, которая состоялась через пять лет

после окончания школы. Тот вечер оставил в душе неизгладимо отвратительное ощущение, памятуя о котором она позже отказывала своим одноклассникам во встрече. Это был вечер лицемерия, где девочки хвастались своими мужьями и бриллиантами, а мальчики — машинами и должностями. У худенькой тогда Таши была маленькая дочь, любимый муж, работающий дальнобойщиком, и старая хрущевка — бабушкино наследство. Поэтому хвастаться было нечем. Весь вечер она терпела уколы более успешных подруг: «Как была ты Петрова, так ею и осталась». Дело в том, что фамилия у мужа Таши тоже была Петров, и это стало главной хохмой вечера. К концу встречи все уже по порядком перебрали и, когда принесли счет, отказывались его оплачивать. Было противно, что те, кто еще час назад хвастался домом в Испании, сейчас, брызгая слюной, кричали, что не собираются переплачивать. Закончилось все прозаично: Таша и еще одна девочка, тоже, к слову, тихо просидевшая весь вечер, оплатили недостающую сумму.

— Наглость — второе счастье, — вздохнула тогда одноклассница, разделившая с ней убытки вечера, а Таша в этот момент пообещала себе: на встречи выпускников больше ни ногой.

Юрки Суслика на той роковой встрече не было, но справедливости ради стоит ска-

зать, что этого никто и не заметил. В школе он тихо сидел на первой парте, тянул руку и никому не давал списывать. Друзей у него не было, по крайней мере в классе. Именно поэтому Таша так удивилась его разговорчивости, смешанной с хамством. Мало-мальски приведя себя в порядок и даже застирав в самых жутких местах футболку, она загрустила: надо было возвращаться, а делать этого ой как не хотелось. «Вот что я за человек, — ругала себя Таша, — сейчас вышла бы потихонечку и сбежала из кафе по-английски, не прощаясь, нет же, решила сумкой похвастаться, дура. Да плевать ему на твою сумку, у него машина такая, что на мелочи в виде брендовой сумки он внимания даже не обращает». Тяжело вздохнув, Таша посмотрелась в зеркало, в свои по-прежнему ярко-голубые глаза.

— Господи, Наташка, — грустно сказала она отражению, — что ж ты себя так не любишь? Вон совсем себя запустила, наела лишних килограммов, одеваешься как никому не нужная старуха. Хорошо хоть вчера волосы покрасила, а то сейчас бы еще сединой красовалась перед своим крутым одноклассником.

Из зеркала на нее смотрела слегка полноватая женщина в самом расцвете лет. Стрижка каре (дань удобству, самостоятельно окрашенная вчера в цвет номер 600 —

светло-каштановый, если верить производителю) делала ее и без того круглое лицо еще больше. Белая, почти прозрачная кожа сливалась с прической, создавала впечатление невзрачности и пресности, как тесто в маминой кастрюле. Его периодически мяли, а оно все равно упорно выползало своими рыхлыми боками.

— Прекрати, ты же умница, вспомни об этом, что же тебя так сломало? — спросила она сама себя, точно зная ответ на этот вопрос: его она похоронила глубоко внутри и не доставала вот уже тринадцать лет. — Неужели ты позволишь какому-то Суслику так с тобой разговаривать? Соберись, тряпка, выйди и ответь ему на хамство.

У Таши был такой тайный способ настраиваться на то или иное событие, глядя на себя в зеркало. Вот и сейчас, поговорив с собой жестко, возможно, даже с перебором, так, как она никогда себе раньше не позволяла, Таша отправилась в зал, готовая дать отпор хаму, но энергия, потраченная на настрой всех победить, не понадобилась. В зале ее ждал уже совсем другой Юра Суслик, теперь он больше напоминал ее одноклассника, которого она помнила с детства. Затравленный взгляд, сгорбленная спина и мысли, уходящие глубоко в себя. Он крутит в руках смартфон последней модели и не замечал ничего вокруг.

— Юра, я пойду, — сказала Таша, едва подойдя к столу.

— Пять секунд посиди, — почти взмолился одноклассник и глазами кота из мультифильма «Шрек» уставился на нее.

Наташка Петрова была, по сути, необидчивым и очень жалостливым человеком. Когда ее подруги тихо лили слезы под «Титаник», она навзрыд рыдала не только над этим легендарным фильмом. В ее любимцах, где она обязательно обливалась слезами, ходили «Сибирский цирюльник», «Хатико», «Обыкновенное чудо» и даже мультифильмы «Промамонтенка» и «Вверх». Да и не только эти, в личной картотеке Таши было еще десятка три фильмов, где она рвала душу, и неважно, был это первый просмотр или двадцатый. Дочка посмеивалась над мамой, но уважала ее поведение как выбор. Леська и единственная подруга Ирма знали: если в доме пахнет тортом «Медовик», значит, Таша уселась у телевизора депрессировать. Такое бывало редко, но, если случалось, лучше было ее в этот момент просто оставить одну. Вот и сейчас противный Юрий, словно узнав Ташин секрет, смотрел на нее умоляющим взглядом.

— Ну хорошо, — согласилась она. — С тебя латте и медовик.

Одноклассник тотчас же расплылся в улыбке, словно выиграл какое-то маленькое соревнование, и махнул рукой официантке.

— Ну давай рассказывай, как поживает староста класса, ты все там же живешь? — спросил Юра Суслик, когда им принесли заказ. Он и так был всегда белесым, почти бесцветным, сейчас же седина давала о себе знать, и теперь на его погрубевшей коже красовалась абсолютно белая щетина. Надо сказать, она шла ему, делала его более мужественным и даже стильным. Первый раз с начала их встречи Таша взглянула на него с интересом.

— У меня все как у всех, дочка растет, восемнадцать лет, вот сегодня у нее день рождения. — Таша смутилась и не знала, что еще рассказать. Она считала, что живет жизнью невзрачной, а посему абсолютно неинтересной.

— А живешь там же, на Лесной? — помог ей Юрий.

— Нет, живу на другом конце города, на Фестивальной.

— Это замечательно, — неожиданно отреагировал собеседник.

— Что? — спросила непонимающе Таша.

— Нет, ничего, продолжай, — ответил Юра, маленькими глотками смакуя свой эспрессо.

— Мама с папой ту квартиру продали и купили себе домик в деревне, в ста километрах от города. Говорят, потянуло их на природу,

поближе к земле и чистому воздуху. Они у меня оба уже пенсионеры, поэтому город им стал в тягость. Представляешь, купили корову и пьют по утрам парное молоко.

Таша смаковала пирожное, стараясь не проглотить его сразу. Выпечка была просто великолепна, вкусные нотки меда и тающие во рту тонкие и влажные слои нежнейшего теста заставляли ее закатывать глаза от удовольствия. У Наташи Петровой была маленькая слабость — она оценивала все медовики, которые ела, по пятибалльной шкале. Так вот, шедевр, лежащий сейчас перед ней на пестрой тарелке, тянулся на четыре с плюсом, а это, к слову, шикарная оценка, вкус, приближенный к совершенству. Пятерки пока не удостаивался ни один экземпляр, но Таша верила, что обязательно попробует когда-нибудь и такой. Пирожное же, которое сейчас было перед ней, при более слабом судействе могло бы посоревноваться даже за пятерку. Именно поэтому рассказ о месте жительства был несколько более радостным, чем этого требовали обстоятельства.

— А на Фестивальной жила моя бабушка, — продолжила Таша, — вот квартира мне и досталась.

— Так ты богатая наследница, — пошутил одноклассник.